

Социальные эксперименты и поиск оптимальных путей в формировании нового института родительства в 1900–1930-е гг.*

Н. А. Мицюк, Н. А. Пушкарева

В статье проводится сравнительно-исторический анализ семейной политики, реализуемой в дореволюционной России и в первые десятилетия утверждения советской власти. Новизна подхода состоит в попытке исследования преемственности социальных преобразований. Исследование основано на источниках нормативного характера, делопроизводственных материалах, научных и научно-популярных работах. В 1900–1917 гг. были предложены ключевые идеи и принципы охраны материнства и детства, которые были масштабированы в первые десятилетия советской власти. Их специфика состояла в ориентации на либеральную западную модель социальной помощи, доминировании адресной поддержки, учете низовых инициатив и вовлеченности широких общественных кругов.

В условиях Советской России стала формироваться социал-демократическая модель семейной политики, основанная на этакратическом гендерном порядке. Социальная политика в области охраны материнства не была четко определена и формировалась в результате социальных экспериментов. Охрана материнства и детства стала рассматриваться в качестве важнейшего направления социальных преобразований и продвижения новой идеологии советского государства. Впервые была введена модель массовой, всеобщей, типовой социальной помощи. В то же время сложная система управления, бюрократизм и игнорирование низовых инициатив затрудняли реализацию многочисленных предложений.

Ключевые слова: охрана материнства и детства, социальная история, история материнства, Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества, Отдел охраны материнства и младенчества, деткомиссия.

Для цитирования: Мицюк Н. А., Пушкарева Н. А. Социальные эксперименты и поиск оптимальных путей в формировании нового института родительства в 1900–1930-е гг. // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 96–116. DOI 10.35231/25422375_2023_1_96

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00625 «Родительство в контексте семейной и репродуктивной политики в новейшей истории России: социально-исторический, медико-антропологический анализ». © Мицюк Н. А., Пушкарева Н. А., 2023

Введение

В современных российских реалиях изучение опыта социальной политики в области охраны материнства и детства в различные исторические периоды определяется демографическими вызовами, которые стоят перед российским обществом и поиском оптимальной модели семейной политики. На протяжении последних 15 лет принимаются многочисленные программы по преодолению демографических проблем и формированию оптимальной модели семейной политики. Однако снижение суммарного коэффициента рождаемости, признаки депопуляции, выраженные в отрицательном естественном приросте, интенсификация и индивидуализация жизни, приводящие к появлению и распространению новых репродуктивных установок молодого поколения, требует от академического сообщества консолидации и фундированного изучения тенденций в развитии института родительства в историческом прошлом и настоящем России.

Исторические исследования семейной политики, как правило, ограничены региональными рамками изучения темы [1], имеют строгие хронологические рамки [2–4], мало используют актуальные теоретические подходы и концепции и сосредоточены в основном вокруг изучения охраны детства [4]. Затруднен междисциплинарный диалог. Для зарубежных историков особый интерес представляла система защиты материнства и детства, сформированная в СССР [5–7].

Новизна представленного исследования состоит в попытке провести сравнительно-исторический анализ между семейной политикой, реализуемой в дореволюционной России (1900–1917) и в первые десятилетия утверждения советской власти (1918–1930-е).

Исследование основано на использовании нормативного материала: законодательства, инструкций, распоряжений различных государственных инстанций, а также делопроизводственных материалов общественных организаций. Также были привлечены научные и научно-популярные работы (в основном медицинского характера). Использовались архивные материалы РГИА (фонд 767 Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества), ГАРФ (фонд А-2306 Минпроса РСФСР, фонд Р-5207 деткомиссии ВЦИК).

Ключевыми явились подходы социологов и демографов о существовании различных моделей социальной семейной политики [8]. Значимой явилась концепция социального конструирования реальности, согласно которой социальные институты (в частности семья, родительство) во многом являются результатом общественных изменений, трансформации представлений об идеалах заботы, о норме и патологии в исполнении соответствующих социальных ролей [9].

Логика статьи состоит в попытке провести сравнение реализуемой семейной политики в двух выделенных периодах по следующим проблемным линиям: 1) цели реализуемой политики, 2) институты и агенты политики в области охраны материнства и детства, 3) ключевые направления.

Результаты

Цели политики в сфере охраны материнства и детства

Впервые термин «охрана материнства и младенчества» появился в общественном дискурсе в конце XIX в. До этого не существовало единой социальной политики в данной сфере, но реализовывались отдельные меры по поддержке материнства и детства (открытие детских приютов, родильных домов, детских больниц, адресная помощь бедным семьям). В 1900-е гг. проблема охраны материнства и младенчества стала активно обсуждаться представителями различных социальных кругов. Сила обсуждения была такова, что современники дали ему название «*материнское движение*» [10]. Одна из причин – лидерство России среди стран Западной Европы по уровню младенческой смертности. Только в Московской губернии на первом году жизни погибали до 60 % младенцев [11, с. 4].

С началом Первой мировой войны тема сохранения жизни детей стала звучать в новом свете. Забота о детях и матерях стала символом обновления России. В условиях военного времени меры по охране материнства и младенчества не только не пошли на убыль, как считают ряд исследователей [12, с. 31], их обсуждение приобрело особенно интенсивный характер [13]. Первая мировая война обнажила проблему детской жизни и смерти, в связи с чем охрана материнства и детства ста-

новилась символом жизни, проявлением гуманизма гражданского населения, оборотной стороной ужасов войны [14].

Важной причиной проведения соответствующей социальной политики явилась трансформация самого института родительства в связи с изменениями в семейно-брачных отношениях и попыткой государства предотвратить снижение рождаемости. Женщины все активнее осваивали разные социальные роли, материнство переставало быть их единственной сферой для самореализации, все это требовало активного включения властей в решение проблем охраны материнства и детства.

В 1920-е гг. цели семейной политики оставались прежними – решение демографического вопроса [15], который обострился в условиях социальных катастроф, вызванных последствиями революционных событий, Первой мировой войны, Гражданской войной. Детская смертность, инфантицид, масштабный размах детской беспризорности – всё это приводило к тому, что семейная политика становилась ключевой в социальных преобразованиях советской власти. Вместо термина «охрана материнства и младенчества» стал утверждаться термин «охрана материнства и детства».

По сравнению с предшествующим периодом семейная политика явилась отражением новой идеологии социалистического государства. Классовая политика изменяла систему распределения социальных благ в обществе, положение социальных групп и предлагала принципиально новый подход к решению женского вопроса. Женское население активно включалось в сферу трудовых отношений, провозглашалось его освобождение от традиционных социальных ролей [16, с. 95].

Революционная советская идеология требовала изменения семейного и трудового законодательства, которое позволило бы женщине совмещать активную профессиональную деятельность и материнство [17, с. 43–44]. Материнство провозглашалось социальной функцией женщины, а охрана детства – обязанностью государства¹. Стал формироваться этатократический гендерный порядок [8, с. 92]. Ребенок становился предметом государственной заботы и контроля.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 210.

Институты и агенты политики в области охраны материнства и детства

В начале XX в. отсутствовал центральный орган власти, определяющий направление семейной политики и меры в области охраны материнства и детства. Инициативы в этом направлении исходили не столько от органов государственной власти, а рождались на местах, имели «низовой» характер. Они реализовывались на уровне земских и городских органов власти, общественных и благотворительных организаций. Частная и общественная инициативы были определяющими в реализации мер в области охраны материнства и детства. Особое место заняли представители врачебного сообщества.

Заявления общественности о необходимости законодательной поддержки матерей звучали также в рамках всероссийских женских съездов [18]. Сложно согласиться с выводами зарубежных исследователей [19, с. 102, 354], которые полагали, что российское правительство приступило к решению проблемы охраны материнства и детства без должного на то обсуждения в обществе.

Создаваемая модель социальной политики в области охраны материнства и детства ориентировалась на западную модель. Государство стало инициировать создание различных комиссий, проведение съездов заинтересованных лиц для обсуждения вопросов, связанных с охраной материнства и детства [20, л. 31–46 об.].

В 1912 г. был организован Первый Всероссийский съезд деятелей по борьбе с детской смертностью и охране раннего детства. По его результатам власти организовали Отдел борьбы с детской смертностью и охраны детства. Охрана материнства, борьба с детской смертностью была признана «делом государственного значения» [21].

По результатам экспертных обсуждений, изучения лучшего зарубежного опыта было признано, что недостаточно частных и общественных инициатив по охране материнства и младенчества, необходима единая общероссийская программа действий и активное включение государства в решение данного вопроса [22]. Таковым центром стало Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества, основанное 31 мая 1913 г. в Санкт-Петербурге.

В кратчайшие сроки, несмотря на военное время, была сформирована эффективная структура управления Попечительства, включающая в себя сеть региональных отделений [21]. Попечительство имело принципиально новый организационный статус. С одной стороны, оно выполняло функции министерства (координация деятельности всех организаций, осуществлявших социальную семейную политику, наличие сети представительств в регионах, существенное государственное финансирование, привлечение к работе видных государственных деятелей), с другой – имело черты благотворительного учреждения (многочисленные низовые инициативы, демократический стиль управления, привлечение частного финансирования). Во главе Попечительства находился совет, ему подчинялся исполнительный комитет совета и общее собрание уполномоченных [23].

Учитывая широту направлений деятельности и планируемый географический охват, были выделены специальные тематические комиссии (административная, финансовая, врачебно-техническая, редакционная и справочно-статистическая) и местные комитеты (отделы), которых к 1917 г. насчитывалось более 100 не только в губернских, но и в уездных городах [24]. Комиссиям вменялось исполнение конкретных функций: разработку законодательных предложений, научно-врачебную, учебную и просветительскую, справочно-статистическую, организационную деятельность, организацию специальных заведений (приютов для беременных, родовспомогательных учреждений, лечебниц для послеродовых заболеваний, колоний для детей, детских больниц), комплекс мер по реализации патронажного ухода (помощи на дому роженицам, родильницам и детям, «посемейное призрение», консультаций для беременных, детей, «Капля молока», яслей) [23]. Отделы имели такую же четкую структуру, что и центральные органы Попечительства.

В первые десятилетия советской власти отсутствовал единый центр координации соответствующей политики. Она была рассредоточена в различных органах власти: сфере здравоохранения, просвещения и социального призрения. В то же время охрана материнства и детства была выделена в отдельное направление социальных преобразований через создание

в различных наркоматах соответствующих отделов, комиссий, коллегий.

В первое десятилетие сохранялась путаница, и функции этих комиссий часто пересекались, чем затрудняли общее руководство. Отсутствовал единый план социальных изменений в данной области, поэтому политика формировалась через социальные эксперименты, что подтверждается значительным числом законодательных актов, принятых в эти два десятилетия.

При наркомате призрения (с апреля 1918 переименован в наркомат социального обеспечения) 1 января 1918 г. была создана Коллегия по охране и обеспечению материнства и младенчества (вошли А. М. Коллонтай, Н. Д. Королев, Е. Я. Миндлинг, Ф. К. Скрибинский, И. П. Шувалов), которая должна была в кратчайшие сроки разработать комплекс мер по организации охраны материнства и детства в новых условиях¹. Коллегия стала преемницей Всероссийского попечительства, собственность которого была национализирована [25; 26, с. 101]. В губерниях и уездах были открыты отделы и комиссии по охране материнства в различных органах исполнительной власти. Впоследствии она стала именоваться Отдел охраны материнства и младенчества (ОММ), который возглавила В. П. Лебедева.

Другим органом исполнительной власти, которому вменялось проводить политику в сфере охраны материнства и детства, становился наркомат народного просвещения. Его функции были сосредоточены на открытии и координации деятельности детских приютов, яслей и детских садов [27, с. 343]. Наркомпрос стал ключевым органом исполнительной власти в 1920-е гг. по решению проблем, связанных с борьбой с детской беспризорностью, а также с обеспечением детей необходимыми продуктами питания.

По аналогии с дореволюционным периодом значительный функционал в области ОММ был закреплен за медицинскими органами власти – Народным комиссариатом здравоохранения, при котором были открыты отделы охраны материнства и младенчества (координировали учреждения для детей до трех лет, а также роддома, женские консультации) и отде-

¹ Там же. С. 210.

лы охраны здоровья детей и подростков¹. В 1920 г. по инициативе В. П. Лебедевой функции охраны материнства и младенчества были переданы из ведения наркомата социального обеспечения в ведение наркомата здравоохранения [28]. При наркомздраве был также выделен отдел охраны здоровья детей и подростков, который в 1938 г. был объединен с ОММ.

Отдельные аспекты охраны материнства и детства вменялись Народному комиссариату труда, отделу по работе среди женщин (женотделы и женсоветы), учреждаемых при ЦК и местных комитетах РКП(б) по работе с женщинами [29].

В 1920-е гг. сохранялась путаница и межведомственная разобщенность. Для координации действий наркоматов создавались межведомственные органы (совет охраны здоровья детей и подростков (1919) с равным представительством членов от наркомата просвещения и здравоохранения для решения вопросов общей компетенции; совет защиты детей (представители наркоматов просвещения, здравоохранения, продовольствия и труда). Регулярно проводились всероссийские, а затем всесоюзные совещания по охране материнства и младенчества (1920, 1923, 1925, 1929), которые, несмотря на формировавшийся бюрократический аппарат власти, сохраняли элементы «профессиональной демократии» [12, с. 33].

Преодолеть путаницу с управлением, согласовывать работу всех государственных учреждений в области охраны детства была призвана учрежденная при ВЦИК чрезвычайная комиссия по улучшению жизни детей (деткомиссия ВЦИК) и борьбе с детской беспризорностью (1921–1938), созданная по инициативе Ф. Э. Дзержинского [30]. Ее главная задача состояла в контроле всех детских учреждений, независимо от их ведомственной принадлежности. Была создана сеть региональных отделов деткомиссии.

В 1930-е гг., в связи с обострением демографических проблем, государство стало уделять особое внимание репродуктивной политике. В структуре Народного комиссариата здравоохранения СССР была организована комиссия по родовспоможению, а затем отдел родовспоможения Наркомздрава СССР (1938) [31, с. 20–22], которые были призваны координировать деятельность сети родильных отделений, вести учет материнской

¹ Там же. С. 688.

и младенческой смертности, предлагать меры по предупреждению абортотв.

Основные направления политики в сфере охраны материнства и детства

В первые десятилетия XX в. был сформулирован подход, согласно которому охрана материнства и младенчества должна включать в себя комплекс мероприятий, связанных с поддержанием женского репродуктивного здоровья, помощью работающим и бедным матерям, организацией учреждений общественного воспитания, а также патронажем беременных и новорожденных. В этот период было предложено и опробовано на практике значительно число инициатив, большая часть которых поступала не со стороны государства, а от частных лиц и общественных организаций. Впервые была озвучена мысль, что охрана материнства должна распространяться на все слои общества, а не только на беднейшие [32]. Российские специалисты активно сотрудничали с западными коллегами, часто используя их опыт в реализации соответствующей политики.

Забота о репродуктивном здоровье. В 1910-е г. акушеры и гинекологи стали приводить убедительные доводы в пользу того, что заботу о матерях и младенцах необходимо начинать с момента наступления беременности. Врачебный патронаж, по их мнению, должен был выражаться в профессиональном ведении беременности и родовых консультациях [33], звучали идеи о пользе введения систематического контроля над женским репродуктивным здоровьем начиная с возраста ранней юности.

Консультации для беременных женщин были признаны в качестве «первого звена в системе охраны материнства и младенчества» [33]. В крупных городах по частной инициативе стали открываться экспериментальные «убежища для матерей», куда помещали женщин, чья беременность протекала с осложнениями, при родильных отделениях – консультации для беременных [34].

С вовлечением женщин в сферу общественного производства была озвучена идея о необходимости поддержки беременных женщин-работниц. Высказывались мысли о том, что

государственная поддержка должна превратить материнство в общественно полезный труд [35, с. 6–9]. Впервые на государственном уровне права беременных и матерей-работниц были отражены в страховом законе 1912 г., который предоставлял беременным работницам шестинедельное пособие по случаю родов. Полагалось, что на помощь государственным кассам страхования должны были прийти частные [35; 36].

Забота о роженице выражалась в открытии родильных отделений различного уровня. Медицинский дискурс утверждал идею того, что клиническое родовспоможение должно стать единственной правильной и безопасной формой родов [37]. Однако в первые десятилетия XX в. незначительный перевес стационарных родов над домашними наблюдался исключительно в столичных городах. Общероссийские данные демонстрировали доминирование народного акушерства. В то же время в дореволюционный период были разработаны принципы организации родильных домов и отделений, характер взаимодействия пациенток и профессионалов, найдены оптимальные архитектурные решения. Происходила коммерциализации гинекологической помощи за счет открытия соответствующих лечебниц и клиник.

Патронаж новорожденных был признан важной составляющей семейной политики [38]. В 1916 г. впервые была разработана система врачебного патронажа грудных детей [39]. Была озвучена идея развития просветительского патронажа на дому «патронажными сестрами». Идея тесной связи консультаций для матерей с родильными отделениями была новаторской и прогрессивной для своего времени. Но она не получила широкого практического применения. Были организованы различные по характеру общества, ставившие себе цель помогать матерям в уходе за их грудными детьми. Обосновывалась важность подготовки специального медицинского персонала, ориентированного на охрану здоровья матерей и детей [40].

Детские ясли и сады стали рассматриваться в качестве средства помощи работающим матерям. Отсутствовала четкая система и постоянство в их функционировании, так как финансирование учреждений напрямую зависело от частной инициативы. Помимо Попечительства активную деятель-

ность по открытию городских, сельских яслей оказывали многочисленные благотворительные общества.

Питание новорожденных. Важным средством борьбы с младенческой смертностью стала организация питания новорожденных. Панацей для многих стало распространение искусственного детского питания. Первые питательные пункты в России по примеру западных организаций («Капля молока») появились в начале XX в. К 1910 г. функционировало около 40 одноименных обществ по всей России. С началом войны повсеместное распространение искусственного питания происходило благодаря открытию молочно-заготовительных станций, молочных кухонь и питательных пунктов [41–43].

Пропаганда «идеального материнства» и материнской сознательности занимала важное место в реализуемой семейной политике. С конца XIX в. было опубликовано значительное количество научных работ, посвященных уходу за младенцами и гигиене беременных и рожениц. Классической стала работа В. Н. Жука «Мать и дитя» [44]. В 1915 г. появился журнал «Охрана материнства и младенчества», который на непродолжительное время стал центром публичных обсуждений инициатив в этой области.

В 1916 г. было организовано *Всероссийское общество памяти В. Н. Жука*, которое объединило различных специалистов, призванных реализовывать программы по развитию материнского просвещения. Их усилия воплотились в съемке первой короткометражной ленты для матерей под руководством профессора Кузьмина «Что нам следует знать» [45]. Среди медицинского сообщества появилось предложение открыть музей материнства [46]. В 1916 г. в Петрограде в качестве эксперимента были открыты курсы для матерей по вопросам воспитания и ухода за детьми дошкольного возраста [47].

Рационализация сексуальности. Аборты стали рассматриваться в качестве важной социальной и медицинской проблемы. В 1910-е гг. либеральными врачами, представительницами эмансипированных кругов стали озвучиваться идеи о необходимости легализовать аборты по медицинским и даже социальным показаниям, что рассматривалось в качестве средства борьбы с возросшими случаями плодоизгнания, инфантицида, подкидывания детей [48; 49]. Одной из обсуждаемых стала идея

о рационализации сексуальности и репродуктивной свободы прежде всего за счет распространения средств искусственной контрацепции [50].

Социальная политика зарождавшегося Советского государства в области охраны материнства и детства не была четко определена. Исследователи отмечают ее двойственность и противоречивость, называя поворот 1930-х гг. «великим откатом» после попыток искоренения «буржуазной семьи» как социального института в 1920-е гг. и освобождения женщин от материнских обязанностей [5; 7].

В первые годы советской власти семья перестала рассматриваться в качестве частного института, она стала объектом государственной политики. Противоречивость мер в области семейной политики отражалась на политике в сфере охраны материнства и детства. В 1920-е гг. происходила выработка оптимальной модели охраны материнства и детства. Содержание нормативных актов было обусловлено экстремальными условиями.

Рационализация деторождения и репродуктивные свободы. Наиболее противоречивой оказалась политика в области репродуктивных прав женщин. Тотальное освобождение женщин выразилось в признании ее политических и гражданских прав, продвижении новых законов о семье и браке. Принятое 16 ноября 1920 г. наркоматом юстиции и здравоохранения РСФСР постановление «Об охране здоровья женщин»¹, которое впервые в мире легализовало аборт по медицинским и социальным показаниям, стало логическим завершением дискуссии о контроле над рождаемостью, развернувшейся с конца XIX в.

То, что данный шаг был осуществлен, скорее, в интересах государства, чем в интересах женщин, доказывает слабая продуманность и плохая обеспеченность реализации закона. Не женщины, а специальные комиссии выносили решение о возможности производства бесплатного аборта [51]. Ставка была сделана на «абортную индустрию», а не на распространение политик предупреждения беременности и доступности средств искусственной контрацепции [52].

Ситуация кардинально меняется к середине 1930-х гг. Официальная пропаганда стала поддерживать идеи большой

¹ Там же. С. 681.

семьи и материнства и старалась повысить уровень рождаемости. Советское государство возвращалось к модели традиционной многодетной семьи и старалось закрепить в сознании советских женщин понятие «естественной» для них роли матери. Аборт признавался злом в ходе широкой агитационной кампании и был запрещен постановлением от 26 июля 1936 г.¹ Многие исследователи объясняют такой «откат» демографическими причинами и острой необходимостью роста числа населения [5].

Стационарное родовспоможение. В условиях советского здравоохранения стала формироваться новая система акушерской помощи, которая в первые десятилетия советской власти рассматривалась в качестве составной части политики в области охраны материнства и младенчества [53, с. 126]. Система советских роддомов наследовала основные принципы организации родильных отделений в императорской России, соотнося ее с социалистической реальностью.

Стационарное акушерство признавалось единственно правильным, в этой связи ставка была сделана на формирование системы родовспомогательных учреждений, значительный рост числа коек и массовое вовлечение женщин в систему стандартизированной и унифицированной акушерской, гинекологической помощи и различного рода патронажа. В 1930-е гг. было открыто более 50 тыс. коек в родильных домах и отделениях.

К 1940-м гг. были выработаны основные черты советской системы родовспоможения и заботы о женском репродуктивном здоровье, которая включала в себя систему женских консультаций, плановых гинекологических осмотров, родильные отделения различных уровней, в том числе колхозные роддома и фельдшерско-акушерские пункты. Более 97 % рождений в городах проходило в условиях стационарных отделений.

В условиях социалистической идеи равенства советское государство впервые в мире предоставило женщинам набор общедоступных, бесплатных, но в то же время стандартных, типовых услуг, связанных с родовспоможением и репродуктивным здоровьем.

В условиях родильных отделений происходила жесткая стандартизация форм медицинских учреждений, медицин-

¹ СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

ских процедур, алгоритма поведения врачей и акушеров [54, с. 105–106]. Выбор женщины в этой системе был ограничен. Советский роддом со стандартизированными процедурами, с жесткими представлениями о норме и патологии закреплял рожениц в качестве объекта для медицинских процедур и действий.

Охрана здоровья беременной. С введением всеобщей трудовой повинности и принятием 31 октября 1918 г. СНК РСФСР «Положения о социальном обеспечении трудящихся» особое внимание было уделено положению беременной, роженице и кормящей матери. Был расширен закон 1912 г. о страховании по беременности (увеличен срок отпуска, сокращение рабочего времени для матерей с грудными детьми, вводились пособия для кормящих матерей)¹, запрещены ряд тяжелых работ для беременных и сверхурочные работы².

Идея развития сети женских консультаций, озвученная и апробированная в дореволюционный период, получила распространение в СССР в виде консультаций: для беременных, гинекологических, по предупреждению беременности. Среди женщин распространялись санитарно-гигиенические профилактические мероприятия в быту и на производстве [55, с. 3]. Консультации находились в непосредственном ведении органов ОММ, здравотделов и должны были состоять из кабинетов для беременных и родильниц, гинекологических больных, социально-правового кабинета.

Охрана детства. Ключевая ставка была сделана на охрану именно детства, так как государство заявило о своей ответственности за воспитание и здоровье детей. Новое семейно-брачное законодательство ликвидировало различия между детьми, рожденными в браке и вне брака, порядок установления отцовства был упрощен³.

В 1920-е гг. было принято значительное число нормативных актов, направленных на сокращение детской беспризорности, достигшей колоссальных масштабов вследствие Гражданской войны, массового обнищания населения, голода, разрушения социальной инфраструктуры. С обострением социальных проблем в начале 1920-х гг., угрозы голода вводились меры

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Управление Совнаркома СССР. М., 1943. С. 667–668.

² Там же. С. 692.

³ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

по организации снабжения питанием бедных семей с детьми. В 1930-е гг. закреплялись основные типы детских домов¹.

Идеологически и практически закреплялся принцип общественного «внесемейного» воспитания детей, в связи с чем в 1930-е гг. повсеместно утверждалась система детских яслей и садов, которые были призваны создавать нового человека, раскрепощать и вовлекать трудящихся женщин в строительство страны и решать задачи культурной революции» [56]. Наблюдался стремительный рост числа мест содержания детей в детских учреждениях: с 25 тыс. в начале 1920-х гг. до 7,3 млн к 1938 г. [12, с. 37].

Пропаганда идеологии советского материнства стала активно реализовываться в 1930-е гг., в связи с изменением курса относительно семьи и роли советской матери. Активную агитационную работу проводило специальное Издательство охраны материнства и младенчества. В этот период было издано значительное число научно-популярной литературы, брошюр и пособий для матерей, проводились выставки, инициировалось создание различных общественных организаций (например, всероссийское общество «Друг детей», основанное в 1930 г.).

Однако все эти организации, по мнению исследователей, призваны были «выполнять задачу проводников господствующей идеологии в сфере детской политики, а не реализации инициатив снизу» [4, с. 112]. Несмотря на социалистическую идеологию, в изданиях доминировали подходы, обоснованные в дореволюционных изданиях.

Обсуждение и выводы

Анализ многочисленных мер в области охраны материнства и детства, проведенных в 1900–1930-х гг., несмотря на радикальные изменения общественной жизни, позволяют сделать вывод о преемственности социальной политики в данной сфере. В 1900–1917 гг. были предложены ключевые идеи и принципы охраны материнства и детства, которые нашли практическое применение в рамках деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и детства.

¹ СЗ СССР. 1935. № 35. Ст. 252.

Наследие Попечительства было использовано в первое десятилетие советской власти. Оно легло в основу построения советской системы охраны материнства и детства. Результаты и практики его были масштабированы на всю Россию и стали частью государственной концепции советской семейной политики.

Специфика подхода в области охраны материнства и детства в дореволюционный период состояла в доминировании адресной помощи, ориентации на беднейшие слои населения. Во многом формирующаяся модель имела черты либеральной семейной политики. Существенное влияние имели низовые инициативы и вовлеченность широких общественных кругов в реализацию соответствующей социальной политики.

В условиях Советской России стала формироваться социал-демократическая модель семейной политики, основанная на этакратическом гендерном порядке. Охрана материнства и детства стала рассматриваться в качестве важнейшего направления социальных преобразований и продвижения новой идеологии советского государства. Впервые была введена модель массовой, вседоступной, типовой социальной помощи. Государство стало единственным агентом продвижения социальной политики.

В отличие от дореволюционной России была сформирована сложная система управления по продвижению семейной политики. На практике была введена трехзвенная система охраны материнства и детства (женские консультации, родильные отделения, детские ясли, сады), которые сохранили актуальность до настоящего времени.

Список литературы

1. Афанасова Е. Н. Становление системы акушерско-гинекологической службы в первой половине 1920-х гг. (по материалам Восточной Сибири) // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 5. – С. 319–324.

2. Колганова Е. В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2011. – № 6. – С. 37–50.

3. Синова И. В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – нач. XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 304 с.

4. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940. М., СПб.: ИРИ РАН. 2015. 384 с.

5. Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

6. Kirschenbaum L. A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. – N.Y.: Routledge, 2001.
7. Waters E. *The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937 // The European Woman's history readers*. – Routledge, 2002. – Pp. 277–289.
8. Чернова Ж. В. *Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности*. СПб.: ЕУСПб, 2013. 288 с.
9. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 1995. 323 с.
10. Лозинский Е. Ю. *О настоящем и будущем женского движения в связи с проблемой целомудрия и задачами материнства // К свету. Научно-литературный сборник*. – СПб., 1904. – С. 31–8.
11. Куркин П. И. *Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883–1897 гг.* – М.: Москов. Губ. Зем., 1902. XLIV, 294 с.
12. *Историческая демография: сб. статей / ред. М. Б. Денисенко*. – М.: МАКС-пресс, 2008. – С. 13–73.
13. Мицок Н. А. *Охрана материнства и младенчества в России в условиях Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. – 2016. – № 1. – С. 86–101.
14. Коллонтай А. М. *Общество и материнство*. Пг.: Жизнь и знание, 1916. 20 с.
15. Гинзбург Б. С. *Охрана материнства и младенчества*. М.: Издательство ОММ, 1926.
16. Рябинина Н. В. *Социальная политика Советской России (октябрь 1917–1920-е гг.): Женщина, семья и дети в новом обществе*. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2004. 100 с.
17. Смулевич Б. *Материнство при капитализме и социализме*. М.: Соцэкгиз, 1936. 151 с.
18. Рогович М. *Долг государства по отношению к матерям и детям // Женский вестник*. – 1913. – № 2.
19. Стайтс Р. *Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930*. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
20. *Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 20. Д. 75.*
21. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 1.
22. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 27.
23. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 10.
24. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1795. Оп. 1. Д. 1.*
25. РГИА. Ф. 767. Оп. 2. Д. 283.
26. Колюс Э. М. *Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917–1940)*. – М.: Центральный институт усовершенствования врачей, 1954. 404 с.
27. *Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа // Сб. документов. 1917–1973 гг. / ред. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин*. М.: Педагогика, 1974. 562 с.
28. Лебедева В. П. *Охрана материнства и младенчества в стране Советов*. М.-Л.: Гос. мед. изд. 1934. 263 с.
29. Юкина И. И. *Феминизм в СССР // Гендер как инструмент познания и преобразования общества*. М., 2006.
30. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 1.
31. *Сборник положений и инструкций по работе учреждений родовспоможения / ред. Д. Гинодман*. М.: Московский рабочий, 1940.
32. Мичник З. О. *Охрана младенчества // Охрана материнства и младенчества*. – 1917. – № 5. – С. 405–418.
33. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 154.
34. *Краткий отчет о деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества за 1916 г.* Пг., 1917.
35. Гинденс Е. Я. *Всероссийский фонд страхования Материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества*. – 1917. – № 1.
36. Редлих А. А. *Страхование материнства, как мера охраны его // Охрана материнства и младенчества*. – 1917. – № 2. – С. 129–146.
37. Мицок Н. А., Пушкарева Н. Л., Белова А. В. *Организация пространства первых родильных клиник в России (XVIII – начало XX в.) // Былые годы*. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 621–630.

38. Мицюк Н. А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. // Женщины в российском обществе. – 2015. – № 3. – С. 91–105.

39. Мичник З. О. Индивидуальное призрение грудных детей и патронаж // Охрана материнства и младенчества. – 1916. – № 3. – С. 28–55.

40. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 87.

41. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 51.

42. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 69

43. РГИА. Ф. 767. Оп. 1. Д. 174

44. Жук В. Н. Мать и дитя. СПб.: Издание В. И. Губинского в г. Санкт-Петербург, 1906. 1166 с.

45. Троицкий И. В. Охрана материнства в Харькове // Охрана материнства и младенчества. – 1916. – № 1.

46. Михайлова А. Т. Музей по охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. – 1917. – № 6. – С. 507–518.

47. Веремко В. А. Детские сады и вопрос социализации детей дошкольного возраста в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX начала XX в. // История повседневности. – 2017. – № 3 (5). – С. 99–112.

48. Покровская М. И. Вопрос расовой гигиены // Женский вестник. – 1914. – № 1. – С. 153.

49. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (ЦГИА СПб.). Ф. 2114. Оп. 1. Д. 44.

50. Личкус Л. Г. Выкидыш с судебно-медицинской точки зрения. Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов. СПб.: Типография Орбита, 1911.

51. Вишневский А. Г., Сакевич В. И., Денисов Б. П. Запрет абортa: освежите вашу память // Демоскоп Weekly. – 2016. – № 707–708.

52. Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Зарождение биополитической модели рождаемости в XIX–начале XX в. // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – № 3. – С. 421–436.

53. Леви М. Ф. История родовспоможения в СССР. М.: АМН СССР, 1950. 202 с.

54. Каплан А. Л. Учебник акушерства и гинекологии. М.: Медгиз, 1960. 284 с.

55. Сборник инструктивных материалов по работе консультаций для женщин / ред. Д. М. Гиномдан и Н. Е. Гранат. М.: Институт санитарного просвещения, 1938.

56. Материалы IV Всероссийского съезда по дошкольному воспитанию / ред. Е. Е. Цыглиной. М.–Л.: Наркомпрос РСФСР и Госиздат, 1929. 287 с.

Social experiments and the search for optimal ways in the formation of a new institution of parenthood in the 1900s and 1930s

Natalia A. Mitsyuk, Natalia L. Pushkareva

The authors of the article conduct a comparative historical analysis between the family policy implemented in pre-revolutionary Russia and in the first decades of the establishment of Soviet power. The novelty of the approach lies in an attempt to study the continuity of social transformations. The study is based on sources of a normative nature, office materials, scientific and popular science works of medical nature. In 1900–1917 key ideas and principles for the protection of motherhood and childhood were proposed, which were scaled up in the first decades of Soviet power. The specifics of the approach consisted in

focusing on the liberal Western model of social assistance, the dominance of targeted support, and taking into account grassroots initiatives. Under the conditions of Soviet Russia, a social-democratic model of family policy began to take shape, based on a statist gender order. Social policy in the field of maternity protection was not clearly defined and was formed as a result of social experiments. The protection of motherhood and childhood began to be considered as the most important direction of social transformations and the promotion of a new ideology of the Soviet state. For the first time, a model of mass, universally available, standard social assistance was introduced. At the same time, a complex management system, bureaucracy, and ignoring grassroots initiatives made it difficult to implement numerous proposals.

Key words: maternity and childhood protection, social history, maternity history, All-Russian guardianship of maternity and infancy, Department of maternity and infancy, Children's Commission.

For citation: Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L. (2023) Sotsial'nyye eksperimenty i poisk optimal'nykh putey v formirovanii novogo instituta roditel'stva v 1900–1930-ye gg. [Social experiments and the search for optimal ways in the formation of a new institution of parenthood in the 1900s and 1930s]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 1. Pp. 96–116. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_96

References

1. Afanasova E. N. (2015) *Stanovlenie sistemy akushersko-ginekologicheskoy sluzhby v pervoy polovine 1920-h gg. (po materialam Vostochnoy Sibiri)* [The formation of the obstetric and gynecological service system in the first half of the 1920s] // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Technical University]. № 5. Pp. 319–324. (In Russ.)
2. Kolganova E. V. (2011) *Zarozhdenie sistemy ohrany materinstva i mladenchestva v Rossii v nachale XX v.* [The origin of the system of maternity and infancy protection in Russia at the beginning of the XX century] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Bulletin of the Moscow University. Episode 8: History]. № 6. Pp. 37–50. (In Russ.)
3. Sinova I. V. (2014) *Deti v gorodskom rossijskom sociume vo vtoroy polovine XIX–nach. XX v.* [Children in urban Russian society in the second half of the XIX–beginning XX century]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russ.)
4. Smirnova T. M. (2015) *Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoj politiki k realijam povsednevnoj zhizni. 1917–1940* [Children of the Soviet Country: from state policy to the realities of everyday life. 1917–1940]. M., SPb.: IRI RAN. (In Russ.)
5. Goldman W. (1993) *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Kirschenbaum L. A. (2001) *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. N.Y.: Routledge.
7. Waters E. (2002) *The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937* // *The European Woman's history readers*. Routledge. Pp. 277–289.
8. Chernova Zh. V. (2013) *Sm'ja kak politicheskij vopros: gosudarstvennyj proekt i praktiki privatnosti* [Family as a political issue: state project and privacy practices]. SPb.: EUSPb. (In Russ.)
9. Berger P., Lukman T. (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. M.: Medium. (In Russ.)
10. Lozinskij E. Ju. (1904) *O nastojashhem i budushhem zhenskogo dvizheniya v svyazi s problemoj celomudriya i zadachami materinstva* [About the present and future of the women's movement in connection with the problem of chastity and the tasks of motherhood]. SPb. (In Russ.)
11. Kurkin P. I. (1902) *Detskaja smertnost' v Moskovskoj gubernii i ee uezdah v 1883–1897 gg.* [Infant mortality in the Moscow province and its counties in 1883–1897]. M. (In Russ.)
12. *Istoricheskaja demografija. Sb. statej.* (2008) [Historical demography. Collection of articles] / red. M. B. Denisenko. M.: MAKSpres. Pp. 13–73. (In Russ.)
13. Mitsyuk N. A. (2016) *Ohrana materinstva i mladenchestva v Rossii v uslovijah Pervoy mirovoj vojny* [The protection of motherhood and infancy in Russia in the World War I] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. № 1. Pp. 86–101. (In Russ.)
14. Kollontaj A. M. (1916) *Obshhestvo i materinstvo* [Society and motherhood]. Pg. (In Russ.)
15. Ginzburg B. S. (1926) *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. M.: Izdatel'stvo OMM. (In Russ.)

16. Rjabina N. V. (2004) *Social'naja politika Sovetskoj Rossii (oktjabr' 1917–1920-e gg.)*: Zhenshhina, sem'ja i deti v novom obshchestve [Social policy of Soviet Russia (October 1917–1920): Woman, family and children in a new society]. Jaroslavl': Jaroslavskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
17. Smulevich B. (1936) *Materinstvo pri kapitalizme i socializme* [Motherhood under capitalism and socialism]. M.: Socjkgiz. (In Russ.)
18. Rogovich M. (1913) *Dolg gosudarstva po odnoseniju k materjam i detjam* [The duty of the state towards mothers and children] // *Zhenskij vestnik* [Women's Bulletin]. № 2. (In Russ.)
19. Stajts R. (2004) *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nihilizm i bol'shevizm. 1860–1930* [Women's liberation movement in Russia. Feminism, nihilism and Bolshevism]. M.: ROSSPjN. (In Russ.)
20. *Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arxiv Russian (RGIA) [State Historical Archive (RSA)]. F. 1276. Op. 20. D. 75.*
21. RGIA. F. 767. Op. 1. D. 1.
22. RGIA. F. 767. Op. 1. D. 27.
23. RGIA. F. 767. Op. 1. D. 10.
24. Gosudarstvennyj arxiv Rossijskoj federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 1795. Op. 1. D. 1.
25. RSHA. F. 767. Op. 2. D. 283.
26. Konjus Je. M. (1954) *Puti razvitiya sovetskoj ohrany materinstva i mladenchestva (1917–1940)*. [Ways of development of the Soviet protection of motherhood and infancy] M.: Central'nyj institut usovershenstvovaniya vrachej. (In Russ.)
27. Abakumov A. A., Kuzin N. P. (eds) (1974) *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshheobra-zovatel'naja shkola* [Public education in the USSR. Secondary school] // *Sb. dokumentov. 1917–1973 gg.* M.: Pedagogika. (In Russ.)
28. Lebedeva V. P. (1934) *Ohrana materinstva i mladenchestva v strane Sovetov* [Protection of motherhood and infancy in the country of Soviets]. M-L.: Gos. med. izd. (In Russ.)
29. Jukina I. I. (2006) *Feminizm v SSSR* [Feminism in the USSR] // *Gender kak instrument poznaniya i preobrazovaniya obshchestva*. M. (In Russ.)
30. RGIA. F. R-5207. Op. 1. D. 1.
31. *Sbornik polozhenij i instrukcij po rabote uchrezhdenij rodovspomozhenija* (1940). [Collection of regulations and instructions on the work of maternity institutions] / red. D. Ginodman. M.: «Moskovskij rabochij». (In Russ.)
32. Michnik Z. O. (1917) *Ohrana mladenchestva* [Protection of infancy] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 5. Pp. 405–418. (In Russ.)
33. RGIA. F. 767. Op. 1. D. 154.
34. *Kratkij otchet o dejatel'nosti Vserossijskogo popechitel'stva ob ohrane materinstva i mladenchestva za 1916 g.* (1917) [Summary report on the activities of the All-Russian Guardianship for the Protection of Motherhood and Infancy] Pg. (In Russ.)
35. Gindens E. Ja. (1917) *Vserossiiskij fond strahovaniya Materinstva i mladenchestva* [All-Russian Maternity and Infancy Insurance Fund] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 1. (In Russ.)
36. Redlih A. A. (1917) *Strahovanie materinstva, kak mera ohrany ego* [Maternity insurance as a measure of its protection] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 2. Pp. 129–146. (In Russ.)
37. Mitsyuk N. A., Pushkareva N. L., Belova A. V. (2022) *Organizacija prostranstva pervyh rodil'nyh klinik v Rossii (XIX–nachalo XX v.)* [Organization of the space of the first maternity clinics in Russia (XVIII – early XX centuries)] // *Bylye gody. V. 17*. No 2. Pp. 621–630. (In Russ.)
38. Mitsyuk N. A. (2015) *Tandem «soznatel'noj materi» i vracha: zarozhdenie pediatričeskogo patronazha nad grudnymi det'mi v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* [Tandem of a "conscious mother" and a doctor: the emergence of pediatric patronage of infants in Russia at the turn of the XIX–XX centuries] // *Zhenshhiny v rossijskom obshchestve* [Women in Russian society]. No 3. Pp. 91–105. (In Russ.)
39. Michnik Z. O. (1916) *Individual'noe prizrenie grudnyh detej i patronazh* [Individual nursing of infants and patronage] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 3. Pp. 28–55. (In Russ.)
40. RGIA. F. 767. Op.1. D. 87.
41. RGIA. F. 767. Op.1. D. 51.
42. RGIA. F. 767. Op.1. D. 69
43. RGIA. F. 767. Op.1. D. 174
44. Zhuk V. N. (1906) *Mat' i diťja* [Mother and child]. SPb. (In Russ.)
45. Troickij I. V. (1916) *Ohrana materinstva v Har'kove* [Protection of motherhood in Kharkov] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 1. (In Russ.)
46. Mihajlova A. T. (1917) *Muzej po ohrane materinstva i mladenchestva* [Museum for the Protection of Motherhood] // *Ohrana materinstva i mladenchestva* [Protection of motherhood and infancy]. № 6. Pp. 507–518. (In Russ.)
47. Veremenko V. A. (2017) *Detskie sady i vopros socializacii detej doskol'nogo vozrasta v dvorjansko-intelligentskih sem'jah Rossii vtoroj poloviny XIX nachala XX v.* [Kindergartens and the issue of socialization of preschool children in noble and intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX century] // *Istorija povsednevnosti* [History of everyday life]. № 3 (5). Pp. 99–112. (In Russ.)

48. Pokrovskaja M. I. (1914) *Vopros rasovoj gigieny* [The question of racial hygiene] // *Zhenskij vestnik* [Women's Bulletin]. № 1. (In Russ.)
49. *Central'ny'j gosudarstvenny'j istoricheskij arxiv g. Sankt-Peterburg (CzGIA Spb.)* [Central Historical Archive of St. Petersburg]. F. 2114. Op. 1. D. 44.
50. Lichkus L. G. (1911) *Vykidysh s sudebno-medicinskoj točki zrenija. Trudy IV sezda obshhestva rossijskikh akusherov i ginekologov* [Miscarriage from a forensic point of view. Proceedings of the IV Congress of the Society of Russian Obstetricians and Gynecologists]. SPb.: Tipografija Orbita. (In Russ.)
51. Vishnevskij A. G., Sakevich V. I., Denisov B. P. (2016) *Zapret aborta: osvezhite vashu pamjat'* [Prohibition of abortion: refresh your memory] // *Demoskop Weekly*. № 707–708 (In Russ.)
52. Micjuk N. A., Pushkareva N. L. (2021) *Zarozhdenie biopoliticheskoj modeli rozhdæemosti v XIX–nachale XX v.* [The origin of the biopolitical model of fertility in the XIX–early XX century] // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. № 3. Pp. 421–436. (In Russ.)
53. Levi M. F. (1950) *Istorija rodovspomozhenija v SSSR* [History of maternity care in the USSR]. M.: AMN SSSR. (In Russ.)
54. Kaplan A. L. (1960) *Uchebnik akusherstva i ginekologii* [Textbook of obstetrics and gynecology]. M.: Medgiz. (In Russ.)
55. Ginodman D. M., Granat N. E. (eds) (1938) *Sbornik instruktivnykh materialov po rabote konsul'tacij dlja zhenshhin* [Collection of instructional materials on the work of consultations for women]. M.: Institut sanitarnogo prosveshhenija. (In Russ.)
56. Cyrlinoj E. E. (ed.) (1929) *Materialy IV Vserossijskogo s#ezda po doshkol'nomu vospitaniju* [Materials of the IV All-Russian Congress on Preschool Education]. M.–L.: Narkompros RSFSR i Gosizdat. (In Russ.)

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

60/40 %

Статья поступила в редакцию 19.01.2023

Одобрена после рецензирования 09.02.2023

Принята к публикации 19.02.2023